
pocket**book**

rocket**book**

АЙРИС МЕРДОК

Книга и Братство

ЭКСМО
МОСКВА
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
М 52

Iris Murdoch
THE BOOK AND THE BROTHERHOOD
Copyright © 1987 by Iris Murdoch

Перевод с английского *Валерия Минушина*
Оформление серии *Андрея Саукова*
Иллюстрация на обложке: © Look and Learn /
The Bridgeman Art Library / Fotodom.ru

Мердок А.

М 52 Книга и Братство / Айрис Мердок ; [пер. с англ.
В. Минушина]. — М. : Эксмо, 2014. — 800 с.

ISBN 978-5-699-71727-9

Один из лучших образцов позднего творчества выдающейся британской писательницы, признанного мастера тонкого психологизма, лауреата Букеровской премии. Действие начинается на традиционном оксфордском балу; мы знакомимся со всей компанией героев сразу, с их дружбами и антипатиями, любовями и ненавистями, с поглощающими их страстями. Много лет назад эти оксфордские выпускники организовали своего рода клуб («Братство»), чтобы поддержать самого блестящего среди них мыслителя, Дэвида Краймонда, в работе над эпохальным политико-философским трактатом («Книгой»). Годы идут, конца работе не видать, от Краймонда и его идей всех уже давно тошнит, но никто не решается высказать ему это в лицо. События принимают неожиданный оборот, когда на балу он уводит жену одного из своих благодетелей — вторично...

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Минушин В., перевод
на русский язык, 2014
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-71727-9

Часть первая

СЕРЕДИНА ЛЕТА

— Дэвид Краймонд заявился в килте!

— Боже мой, Краймонд здесь?! Где он?

— В той палатке или шатре, называйте, как вам больше нравится. Он с Лили Бойн.

Разговаривали двое: Гулливер Эш и Конрад Ломас. Гулливер — неосновательный, в настоящее время безработный англичанин тридцати лет с небольшим, явно не задумывавшийся о своем возрасте. Конрад — американский студент, значительно моложе и ростом повыше считавшегося немаленьким Гулливера. Последний прежде не был знаком с Конрадом, однако слышал о нем, потому и обратил свое так взволновавшее Конрада замечание к нему и его спутнице, Тамар Херншоу. Местом действия был долгожданный бал на День поминовения в Оксфорде¹, время — около одиннадцати вечера. Была середина лета, и настоящая ночная тьма еще не наступила, более того, не предвиделась. Над разномастно освещенными шатрами, откуда лилась разномастная музыка, висело мглистое синее

¹ Праздник в Оксфордском университете, посвященный памяти основателей его многочисленных колледжей, некоторые из них существуют с середины XIII столетия; устраивается в июне, через неделю после окончания летнего семестра, и каждый год под эгидой нового колледжа. (*Здесь и далее примечания переводчика.*)

небо, на котором уже появились редкие колючие желтые звезды. Луна, огромная и ноздреватая, как сыр, пока что путалась в вершинах деревьев за протоками Черуэлл, реки, ограничивавшей ближайшую территорию колледжа. Тамар и Конрад появились только что и еще не успели потанцевать. Гулливер уверенно заговорил с ними, поскольку знал Тамар, хотя и не слишком близко, и слышал, кто будет сопровождать ее. При виде Тамар он, сказать по правде, почувствовал раздражение, поскольку его партнершей в эту важнейшую ночь должна была быть (но в последний момент отказалась) Вайолет, мамаша Тамар. Гулливер недолюбливал Вайолет, но согласился составить ей пару, чтобы оказать услугу Джерарду Херншоу, которому обычно шел навстречу, даже повиновался. Джерард приходился Тамар дядей, правда «дядей» в кавычках, потому что был Вайолет не родным, а двоюродным братом. Джерард был много старше Гулливера. Патрисии, сестры Джерарда, которая должна была появиться в сопровождении Дженкина Райдерхуда, тоже не было, но по веской причине (в отличие от Вайолет, у которой, кажется, не было причин не появляться), поскольку отцу Джерарда, давно болевшему, неожиданно стало хуже. Гулливер, конечно же, польщенный просьбой Джерарда, все же был не в восторге от перспективы появиться на балу в компании Джерарда с Вайолет, поскольку это как бы причисляло его к старшему поколению. Он не возражал бы против Тамар, хотя не был особо «увлечен» ею. Слишком уж, на его взгляд, застенчивая и скованная, она была бледной, тоненькой, походила на школьницу, легкая и бесплотная, ни капли стильности, и короткие прямые волосы причесывала по-детски, на косой пробор. Ему не нравилось ее девственное белое платье. Гулливер, не

всегда уверенный, что его вообще привлекают юные девицы, во всяком случае предпочитал более смелых особ, способных взять инициативу на себя. Так или иначе, о Тамар речь не шла, поскольку было известно, что танцевать она собиралась с новым кавалером, этим шустрым юным американцем, с которым познакомилась через своего кузена Леонарда Ферфакса. Джерард, извиняясь за дезертирство Вайолет, неопределенно высказался в том смысле, что Гулливер наверняка сможет «подцепить какую-нибудь девчонку», но пока было не очень похоже, что это ему удастся: все они были под строгим присмотром своих парней. Конечно, позже, когда парни подвыпьют, ситуация может измениться. Некоторое время он бродил в теплых синих сумерках, надеясь встретить знакомую физиономию, но пока увидел только Тамар, испытав при этом скорей досаду, нежели удовольствие. Еще он досадовал на себя за то, что, после долгих размышлений, все же не стал надевать легкую нарядную кружевную рубашку, в каких, как оказалось, щеголяло на балу большинство молодого поколения, а был при традиционном черно-белом параде, как, он предвидел, вырядятся Джерард, Дженкин и Дункан. Гулливер, считавший, что он недурен собой, был высок, темноволос и строен, с прямыми напomaженными волосами, тонким носом с небольшой горбинкой, с которым примирялся, когда кто-нибудь называл его орлиным. Глаза, красивые, как ему говорили, были карие с золотистым отливом, без крапинок. Гулливеру очень хотелось танцевать, и он страшно злился бы на Джерарда за то, что по его милости ему это теперь не удастся, если бы тот не купил ему билет (очень дорогой), без которого он вообще не попал бы на бал. Пока эти мысли роились в голове Гулливера, Конрад Ломас, пробормотав изви-

нения Тамар, стремглав рванулся к шатру, где должен был быть Дэвид Краймонд. Он бежал на своих необыкновенно длинных ногах по траве и мгновенно спустился, скрылся из глаз, оставив Гулливера и Тамар одних. Тамар, удивленная его стремительным бегством, не бросилась тут же вдогонку за своим кавалером. Благоприятная возможность для Гулливера, и он в самом деле даже размышлял секунду, не стоит ли быстренько пригласить Тамар на танец. Однако не решился, зная, что расстроится в случае отказа. Да и опасался, что, если она ответит согласием, потом, чего доброго, долго не сможет «отвязаться» от нее. Ему, несмотря на затаенные обиды, в сущности, очень нравилось одиноко бродить среди собравшихся и быть *voyeur*¹. К тому же ему только что пришла идея вернуться в комнату, где Джерард и другие «стариканы» продолжали пить шампанское, и пригласить на танец Роуз Кертленд. Конечно, Роуз «принадлежала» Джерарду, но Джерард возражать не станет, и, конечно, восхитительно было представлять, как его рука обовьет то, о чем ей и не мечталось, — талию Роуз. Но момент был упущен, и Тамар продолжала удаляться.

— Это ведь был Конрад Ломас? Что это на него вдруг нашло? — осведомился Гулл.

— Он работает над диссертацией, что-то о марксизме в Британии, — ответила Тамар.

— Значит, прочтет весь краймондовский вздор.

— Он боготворит Краймонда, — сказала Тамар, — прочитал все, что тот написал, но никогда не встречался с ним лично. Хотел, чтобы я нашла кого-нибудь, кто их представит, но я полагала, что не смогу помочь в этом. Не знала, что сегодня он будет здесь.

¹ Зритель, соглядатай (*фр.*).

— Я тоже, — сказал Гулливер и добавил: — И они.

Тамар, неопределенно махнув на прощанье, пошла к шатру, в котором скрылся Конрад. Гулливер все же решил не возвращаться к Джерарду и остальным. Лучше побродить еще немного. Это был не его колледж и не его университет. Он окончил Лондонский и, хотя относился к Оксфорду и оксфордским обычаям с язвительным безразличием, был готов на этот необыкновенный вечер поддаться очарованию того, что окружало его: старинных зданий, залитых светом прожекторов, бледной стройной башни, яркой зелени освещенных деревьев, полосатых шатров, словно расположилась биваком какая-то экзотическая армия, и разгуливающей красочной толпы молодых людей, которым теперь, после нескольких бокалов, он в конце концов завидовал без особой неприязни. Пожалуй, было необходимо немедленно выпить еще. Он направился к аркадам, где можно было получить виски. Джерардово шампанское ему осточертело.

Тамар не преминула заметить, как Гулливер колеблется, пригласить или не пригласить ее потанцевать. Она отказала бы, но все равно была уязвлена, так и не дождавшись приглашения. Она плотней закуталась в узорчатую кашемировую шаль, зажав концы под подбородком. День был безоблачный, жаркий, вечер — теплый, но теперь поднялся небольшой ветерок, и Тамар стало зябко, такая уж она была мерзлячка. Подол белого платья касался травы, уже, как ей казалось, мокрой от росы. Она дошла до шатра, в котором включили свет, поскольку музыканты поп-группы сделали перерыв, чтобы перекусить, и танцующие стояли группками на деревянном помосте и болтали. Конрада нигде не было видно, но скоро она заметила в углу кучку молодых людей, среди пчели-

ного жужжания которых выделялся высокий голос с шотландским акцентом. Тамар не любила Краймонда, побаивалась его, но вероятность столкнуться с ним возникала у нее очень редко, а после его ссоры с Джерардом и другими вообще ни разу. Ей в голову не пришло подойти к толпе его поклонников и присоединиться к Конраду. Она присела на стул у края шатра в ожидании, когда он освободится. Потом заметила на противоположной стороне одиноко сидящую Лили Войн, пришедшую, как она слышала, с Краймондом. Лили сняла одну сандалию с ноги и разглядывала ее, сейчас она поднесла ее к носу и понюхала. Тамар, которая не желала разговаривать с Лили, надеялась, что та не видит ее. Она, конечно, знала Лили Войн, подругу, или по крайней мере вроде того, Роуз Кертленд и Джин Кэмбес, но Тамар становилось с Лили не по себе, даже дрожь слегка пробирала. По правде сказать, Тамар с неодобрением относилась к Лили, так что предпочла не думать сейчас о ней. Когда вновь загремела музыка, погас верхний свет и по танцующим закружились разноцветные огни, Тамар вышла из шатра в темноту. Глубинный вибрирующий ритм взбудоражил ее, страшно захотелось танцевать.

Тамар была готова в любой момент влюбиться. Замышлять влюбленность возможно. Или, пожалуй, то, что выглядит как замысел, намерение, есть просто взволнованное предчувствие момента, оттягиваемого до полной неотвратимости, когда влечение будет безошибочно взаимным, когда говорят глаза, говорят руки, а язык бессилен. Вот чего Тамар позволила себе ожидать от этого вечера. По правде сказать, с Конрадом, который учился в Кембридже и скоро должен был вернуться в Америку, она встречалась лишь несколько раз и обычно в компании. В послед-

нее свидание, провожая домой, он пылко поцеловал ее. Леонард Ферфакс, ее кузен, изучавший в Америке, в Корнельском университете, историю искусства, познакомил их, написав о нем в письме. Тамар понравился высокий молодой американец, потом чувство симпатии переросло в нечто большее, но пока еще она не дала ему это понять. Все ее мечты были о нем. Тамар было двадцать, она изучала историю в Оксфорде, заканчивала второй курс. Она, несомненно, была уже взрослой девушкой, но ее застенчивость и внешность заставляли других, и, конечно же, ее саму, думать, что она моложе, наивней, не вполне еще зрелая. У нее уже было два романа, первый — результат жадного любопытства, второй — жалости, за которые она ругала себя нещадно. Она была дитя, пуританское правом, и никогда еще не была влюблена.

Роуз Кертленд танцевала с Джерардом Херншоу. В шатре, где играла «приятная» старомодная музыка, вальсы, танго и медленные фокстроты перемежались шотландскими кадрилями, «Веселыми Гордонами»¹ и сомнительными джигами на тот случай, если у кого возникнет желание сплясать таковую. Знаменитую поп-группу сейчас было слышно издалека. В еще одном шатре играли классический джаз, в другом — кантри. Роуз и Джерард, хорошие танцоры, могли танцевать подо что угодно, но сегодня был вечер ностальгии. Студенческий оркестр играл Иоганна Штрауса. Роуз нежно склонила голову на плечо Джерарда. Она была высокой, но он выше. Они были красивой парой. Лицо Джерарда, которое можно было бы назвать «рубленным», более точно охарактеризовал его зять, торговец произведениями искусства, — как

¹ Быстрый шотландский групповой танец.

«кубистское». Оно как бы состояло из пересекающихся плоскостей, среди которых выделялись скулы, квадратный ровный лоб; даже кончик носа выглядел плоским. Но то, что производило впечатление жесткого, математически сложного сочетания плоскостей, оживлялось и обретало гармонию благодаря внутренней энергии, которая превращала эту схему в ироничное насмешливое лицо, чья улыбка часто переходила в шальную и шутовскую ухмылку. У Джерарда были голубовато-стального цвета глаза, выющиеся каштановые волосы, пусть сейчас слегка потускневшие, но по-прежнему густые и без намека на седину, хотя ему перевалило за пятьдесят. У Роуз волосы были светлые, прямые, пышные и порой, когда она их взбивала, напоминали парик или ореол. В последнее время, глядясь в зеркало, она спрашивала себя, уж не стали ли ее живые светло-русые волосы все враз светло-серыми от седины. У нее были синие глаза и определенно очаровательный, чуточку *retroussé*¹ нос. Она сохранила стройность фигуры и сейчас была в простом темно-зеленом бальном платье. Роуз всегда держалась с примечательным спокойствием, что раздражало одних и привлекало других. На ее лице часто блуждала легкая улыбка, блуждала и сейчас, хотя в голове у Роуз кружили, сплетались отнюдь не только счастливые мысли. Танец с Джерардом был высшим счастьем. Если б только она могла испытать то ощущение вечности в настоящем, о котором иногда говорил Джерард. Сейчас она должна была бы быть счастлива уже от того, что крепкая рука Джерарда лежала на ее талии и она могла повиноваться небрежным, но властным движениям его тела. Она ждала этого вече-

¹ Вздернутый (*фр.*).

ра с того момента, как Джерард объявил свои планы относительно друзей. Это он устроил так, чтоб Тамар с Конрадом вместе появились на балу. Но теперь, когда ожидания сбылись, она умышленно приняла отсутствующий вид. Она погасила улыбку и вздохнула.

— Я знаю, о ком ты думаешь, — сказал Джерард.

— И о ком же?

— О Синклере.

— Ты прав.

В этот момент Роуз как раз не думала о Синклере, но мысли о нем столь глубоко были связаны с мыслями о Джерарде, что она не покривила душой, соглашаясь. Синклер был братом Роуз, «золотым мальчиком», который давно умер. Конечно, она подумала о нем раньше, еще входя в колледж и вспомнив другой, далекий летний день, когда она пришла повидать своего брата-студента, кончившего первый курс, и Синклер сказал ей: «Посмотри на вон того высокого парня, это Джерард Херншоу». Роуз, будучи немного младше Синклера, тогда училась в школе. В последних письмах к ней Синклер взахлеб писал о Джерарде, бывшем двумя курсами старше. Из этих восторгов Роуз заключила, что Синклер влюблен в Джерарда. И лишь в тот день в Оксфорде она поняла, что и Джерард в равной степени влюблен в Синклера. Она не видела в этом ничего плохого. Кроме одного: что сама влюбилась в Джерарда с первого взгляда и по сию пору, хотя столько лет миновало, продолжала безнадежно любить его. О невероятном их с Джерардом романе, завязавшемся меньше чем через два года после безвременной смерти Синклера, они потом никогда не говорили, вероятно, по причине странной тактичности, даже в мыслях не возвращались к нему, как возвращаются к воспоминаниям, воскрешая, подновляя, подвергая их опасному воздействию реальности. Это осталось

в их прошлом, как запечатанный пакет, которого они иногда касались очень осторожно, но никогда, ни поодиночке, ни вместе, не пытались вскрывать. У Роуз были и другие любовники, но все — бледные тени, были и предложения выйти замуж, но они ее не интересовали. Почувствовав, как Джерард сжал ее руку, она спросила себя, уж не об *этом* ли он сейчас думает. Она не подняла глаз, отняла голову от его плеча, к которому на мгновение прижалась. После того как Синклер окончил Оксфорд, он и Джерард жили вместе, Джерард работал журналистом, а Синклер продолжал биологические исследования и помогал Джерарду основать журнал левого направления. Когда планер Синклера врезался в роковой холм в Сассексе и после очень краткой, как наваждение, интерлюдии с Роуз Джерард отошел от левых и поступил на государственную службу. В то время он жил с разными мужчинами, включая своих друзей по Оксфорду: Дункана Кэмбеса, который тогда находился в Лондоне, и Робина Топгласса, генетика, сына орнитолога. Робин позже женился на французке из Канады, куда и уехал. Дункан женился на школьной подружке Роуз, Джин Ковиц, и поступил на дипломатическую службу. Маркус Филд, вероятно, не бывший одним из любовников Джерарда, стал бенедиктинским монахом. У Джерарда всегда было множество близких друзей-мужчин, вроде Дженкина Райдерхуда, с которыми он не вступал в сексуальную связь; а в более поздние годы он как будто уgomонился и жил один. Роуз, естественно, не спрашивала его об этом. Больше того, соперники-мужчины перестали ее беспокоить. Она боялась соперниц.

Вальс закончился, и они стояли в непринужденной, довольно расслабленной позе, застигнутые врасплох оборвавшейся музыкой.

— До чего я рада, что Тамар наконец встретила такого славного мальчика, — проговорила Роуз.

— Надеюсь, она ухватится за него, и притом обеими руками.

— Не представляю, чтобы она проявила решительность. Это он должен ухватиться за нее.

— Она такая кроткая, — сказал Джерард, — такая простодушная в лучшем смысле этого слова, так чиста сердцем. Надеюсь, парень понимает, насколько она удивительное дитя.

— Хочешь сказать, что она может показаться ему скучной? Что она не блестящая юная девушка?

— О нет, она не может показаться ему *скучной*, — чуть ли не с возмущением ответил Джерард и добавил: — Бедная девочка, всегда в поисках отца.

— Ты имеешь в виду, что она, возможно, предпочтет человека постарше?

— Я не имею в виду ничего настолько банального!

— Конечно, мы так равнодушны к ней, потому что знаем ее историю. И причем по-настоящему равнодушны.

— Да. Вся эта грязь не оставила на ней ни единого пятнышка.

— Незаконнорожденное дитя незаконнорожденной.

— Ненавижу подобную терминологию.

— Что делать, люди все еще так рассуждают.

Вайолет, мать Тамар, оставшаяся незамужней, была дочерью Бенджамина Херншоу, недостойного младшего брата Джерарда, тоже оставшегося холостяком, который бросил мать Вайолет. Тамар, которая, как говорили, появилась на свет лишь благодаря тому, что Вайолет был противопоказан аборт, была плодом связи мамы с проезжим скандинавом, на-